

Границы дисциплинарности и дискуссия о структуре Эрмитажа в связи с запиской И.А. Орбели

Январь – март 1927 г.

Музей как один из инструментов производства научного знания начал привлекать внимание отечественных историков еще в середине – второй половине XIX в., когда в трудах академика П.П. Пекарского история формирования и развития петровской Кунсткамеры оказалась вписана в общий контекст истории науки и культуры в России XVIII в.¹ Сформировавшаяся тогда парадигма характеризовалась определенным пренебрежением собственно музейными особенностями этого процесса, однако благодаря активному накоплению эмпирического материала во второй половине XX в. (например, в работах Т.В. Станюкович²) она внесла существенный вклад в развитие науковедческих исследований. С развитием самого музеологического знания и начавшимся в середине XX в. его переходом от эмпирически-описательной стадии к стадии теории и синтеза исследовательский инструментарий в данной области стал усложняться и сделал возможным разработку более нюансированных подходов к анализу роли музеев в развитии научного знания как такового и его дисциплинарности в частности.

Современные исследователи, признавая за музеями статус институциональных агентов, конструирующих знание, все больше внимания уделяют тем специфическим способам, при помощи которых осуществляется дискурсивная работа экспозиции, включающая производство нарративов о прошлом, устанавливающая отношения между составляющими ее предметами и определяющая место посетителя в предлагаемой репрезентации³. При этом такие направления музейной деятельности, как коллекционирование, классификация, консервация и экспонирование рассматриваются в качестве способов теоретизирования мира, так что музейные коллекции и экспозиции/выставки оказываются воплощением/визуализацией теории.

Последнее может рассматриваться в двух аспектах. С одной стороны, музеи придают своим предметам высокий статус (что в музее – то важно), следовательно, воплощая теории, связанные с относительной ценностью предметов и верными путями их осмысления, изучения, восприятия или даже преклонения перед ними, иными словами, их познания. С другой стороны, музей как сугубо пространственный локус (в чем и состоит его отличие от книги, лекции или сайта) через дискурсивность физического расположения и соположения предметов конструирует необходимые дискурсы, т. е. акты физического объединения в пространстве и демонстрации предметов для публики являются эвристическими и структурирующими⁴. При этом музеи не просто отражают некие данные им теории, но активно участвуют в их формировании и изменении.

¹ Пекарский П.П.: 1) Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1–2; 2) История Императорской академии наук в Петербурге. СПб., 1870–1873. Т. 1–2.

² Станюкович Т.В.: 1) Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953; 2) Этнографическая наука и музеи. По материалам этнографических музеев Академии наук. Л., 1978.

³ Whitehead C. Museums and the Construction of Disciplines: Art and Archaeology in Nineteenth-Century Britain. London, 2009. P. 19.

⁴ Ibid. P. 25–26.

Другим подходом, важным для осмысления интересующего нас вопроса, является перенос на музейный материал познавательных категорий и словаря картографии, предполагающий рассмотрение организации знания в музее как формы ментального и пространственного картографирования (географического, эпистемологического и социального). По мысли современных исследователей, такие многомерные карты конструируют знание пространственно, с учетом связей и различий включенных в них элементов, репрезентируя культурные и природные иерархии, а также отношения и различия между вещами и между людьми. Музеи картографируют географии вкуса и ценности и функционируют как средства, при помощи которых общества репрезентируют свои отношения с собственной историей и другими культурами⁵. Картографирование в таком контексте понимается как структурированная, пространственная репрезентация знаний о мире⁶.

Как правило, в качестве такой пространственно-временной карты в исследованиях рассматриваются музейные экспозиции и выставки, которые, однако, являются результатом картографирования на уже достаточно продвинутой стадии. Этим картам предшествуют (и их во многом определяют) те, которые воплощаются во внутренней структуре музеев, т. е. в организации его отделов и распределении материала между ними. Чаще всего, их обсуждение происходит в закрытом экспертном сообществе и не только не предлагается для дискуссий широкой общественности, но и сам ход обсуждения редко фиксируется в источниках. Тем интереснее материалы, которые позволяют заглянуть за кулисы музейной машинерии и увидеть, как происходили изменения в музейной структуре на уровне группирования и распределения коллекционного материала.

В публикуемой подборке представлены документы, связанные с изменением такой пространственно-ментальной карты Государственного Эрмитажа и относящиеся к 1927 г. Непосредственным поводом к оживленному обмену мнениями эрмитажных хранителей послужила инициатива видного востоковеда Иосифа Абгаровича Орбели, создателя и главы Отдела Востока Эрмитажа. В поданной им в Совет Эрмитажа 29 января 1927 г. записке указывалось на ненаучность структуры музея и необходимость перераспределения его фондов на строго научных основаниях. Орбели подчеркивал абсурдность сосуществования в структуре музея отделов, организованных по культурно-географическому принципу и принципу назначения (или материала) включенных в них предметов. По его словам, «невозможно одновременное деление музейных коллекций на памятники Египта, Месопотамии, Греции, Рима, резные камни, памятники Средних веков, оружие, памятники Кавказа и Ирана, Византии и т. д. Такая классификация не научна, да и не выполнима».

Этот демарш затрагивал интересы практически всех существующих отделов музея. Их хранители письменно откликнулись на инициативу Орбели, сформулировав собственное видение музейной карты, базировавшееся на предпосылках, определяемых их пониманием границ дисциплинарности. Данный материал представляет существенный интерес как источник не только по истории Эрмитажа, но и по метанаучным представлениям отечественных гуманитариев, которые в этот период редко формулировались эксплицитно и, как правило, должны вычлняться из содержания работ конкретно-исторического характера.

Показательно, что катализатором развернувшейся в Эрмитаже дискуссии оказалась именно Отдел Востока. Это было связано с тем особым местом, которое в структуре гуманитарных наук первой трети XX в. в России занимало востоковедение. Как известно, европейское востоковедение со второй половины XIX в. вступило в новый этап

⁵ Whitehead C. National Art Museum Practice as Political Cartography in Nineteenth-Century Britain // National Museum: New Studies from around the World. Ed. by S.J. Knell, P. Aronsson, A.B. Amundsen, A.J. Barnes, S. Burch, J. Carter, V. Gosselin, S.A. Hughes and A. Kirwan. London; New-York, 2011. P. 106.

⁶ Ibid.

развития. Его характерными чертами был отказ от экзотизации Востока, понимания истории Востока исключительно как источника дополнительной информации по истории Запада и априорных предположений об их неизгладимых расовых отличиях. Это, по словам В. Тольц, стимулировало «переоценку глубоко укоренившихся предрассудков в отношении неевропейских обществ и нехристианских религий»⁷.

В России эти тенденции нашли отражение в деятельности (научной, учебной и практической) представителей так называемой «школы Розена», сформировавшейся вокруг барона Виктора Романовича Розена (1849–1908), крупнейшего отечественного арабиста, академика, в 1893–1903 гг. декана факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, председателя Восточного Отделения Русского археологического общества, основателя и главного редактора его «Записок». Первое поколение школы составили такие впоследствии крупные ученые, как П.К. Коковцов, В.А. Жуковский, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд, И.Ю. Крачковский, Ф.И. Щербатской (хотя последний и учился на историко-филологическом факультете университета, но был втянут в орбиту влияния Розена, преподавал на факультете восточных языков и по праву может считаться членом его школы). Общими для них были учет внутренней точки зрения носителей изучаемой традиции и стремление к сотрудничеству с ними, внимание к зонам культурных контактов, рефлексия на тему природы связи между знанием и властью⁸.

Самими учеными востоковедное знание напрямую связывалось с возможным изменением государственной политики⁹, во всяком случае, крупнейший индолог XIX в. И.П. Минаев и его немногочисленные ученики (Ф.И. Щербатской, С.Ф. Ольденбург) уделяли значительное внимание «практической» работе¹⁰. Естественно, что средства визуализации и пропаганды этого знания оказывались в сфере их пристального внимания. Так, формулируя весной–летом 1917 г. программу централизации музейного дела в России, археолог и этнограф, кавказовед А.А. Миллер указывал на необходимость создания в России в числе структурообразующих национальных музеев музея восточных древностей¹¹. На Первой всероссийской конференции по делам музеев, состоявшейся в феврале 1919 г., предлагалось организовать сразу два «восточных» музея: один в Петрограде (с докладом на эту тему выступили академики Н.Я. Марр и С.Ф. Ольденбург), а другой в Москве (проект Музея классического Востока готовили востоковеды В.К. Шилейко и В.М. Викентьев)¹².

Создание отдельного музея, посвященного Востоку, было, однако, не только затруднительным с технической точки зрения, но и шло вразрез с базовыми постулатами школы Розена, всячески подчеркивавшей отсутствие принципиальных различий между историями Востока и Запада и побуждавшей изучать их в тесной связи. Тезис о том,

⁷ Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М., 2013. С. 21.

⁸ Там же. С. 13–35.

⁹ Brandist C. The Dimensions of Hegemony: Language, Culture and Politics in Revolutionary Russia. Leiden, 2015. P. 56–61. См. также: «В 70–80-х годах востоковедение приобретало все большую политическую актуальность в связи с восточной политикой России...» (Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008. С. 145).

¹⁰ См., в частности: Вигасин А.А. Индология // История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. М., 1997. С. 400–402.

¹¹ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 82. Оп. 1. Д. 9. Л. 33–34.

¹² Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 54. Оп. 1. Д. 228. Л. 2об.

что «в Азии и в Европе действуют одни и те же законы исторической эволюции»¹³, был центральным для многих представителей школы. Естественно, визуализацией этого постулата было бы экспонирование артефактов восточных и западных культур в одном пространстве, их физическое соположение, включение в пространство единой карты. Неудивительно поэтому, что уже в 1920 г. в главном музее страны – Эрмитаже – было создано особое Отделение мусульманского Средневековья, через год переименованное в Отделение Кавказа, Ирана и Средней Азии. В 1926 г. Отделение было преобразовано в самостоятельный Отдел Востока¹⁴. Инициатором всех этих картографических перемен топографии музея был И.А. Орбели, ученик Н.Я. Марра. Поддержку ему оказывали В.В. Бартольд и С.Ф. Ольденбург¹⁵. Все три корифея отечественного востоковедения принадлежали к школе Розена. Вероятно, создание самостоятельной музейной коллекции памятников Востока как интегральной части собрания, посвященного мировой культуре как таковой, было для них принципиально важным.

Выступая в 1934 г. на общем собрании Академии наук СССР, посвященном памяти С.Ф. Ольденбурга, Орбели вспоминал: «Будучи лучшим другом молодого организма – Сектора Востока Эрмитажа, Сергей Федорович горячо, так горячо, как только редко он умел делать, выступил против проекта, который, казалось бы, должен всех нас привлечь, – против проекта создания Восточного Музея, Восточного Музея, в котором должны быть объединены и коллекции Эрмитажа, и коллекции Музея восточных культур в Москве с тем, чтобы был создан единый музей Востока. И Сергей Федорович сумел блестяще доказать всю нелепость этой идеи, всю нелепость изъятия восточного материала из всего окружения, в котором он должен быть, изъятия из сопоставления с памятниками античного мира, с памятниками всех культур, которые не подходят под понятие Востока. И здесь Сергей Федорович остался верен себе, для него не было Востока и Запада, для него была история развития человечества, развивающаяся и наслаивающаяся независимо от политических границ и независимо от нахождения в той или иной стране, в том или ином меридиане»¹⁶.

Выделение восточных предметов в отдельный музей, таким образом, означало перенос их на отдельную карту. Выделение их в самостоятельный отдел музея истории мировой культуры – более четкое картографирование этого региона дисциплинарности на карте общей.

¹³ Бартольд В.В. Рец.: Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1899. Т. XI. С. 355.

¹⁴ Иерусалимская А.А., Иванов А.А. Отдел Востока // Эрмитаж. История и современность. М., 1990.

¹⁵ В.В. Бартольд был членом Совета Эрмитажа с 1921 г., в 1920 г. он, вместе с С.Ф. Ольденбургом, И.А. Орбели и О.Ф. Вальдгауером, был избран в комиссию по организации Отделения мусульманских древностей. См.: Журналы заседаний Совета Эрмитажа. СПб., 2009. Ч. II. 1920–1926 годы. С. 281, 286 и далее по указателю. С.Ф. Ольденбург в 1932–1934 гг. был профессором Отдела Востока Эрмитажа. См.: Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 13. Д. 626. Л. 2. Поэтому неудивительно, что материалы по изменению структуры Эрмитажа отложились в архивных фондах Бартольда (публикуются ниже) и Ольденбурга, см.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПбФ АРАН). Ф. 208. Оп. 2. Д. 97. Л. 9–32, 44–53.

¹⁶ Орбели И.А. Академик Ольденбург – участник в музейном строительстве / Подгот. текста В.Г. Ананьев // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. IV. Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга / Под общ. ред. М.Д. Бухарина, В.С. Мясникова, И.В. Тункиной. М., 2020. С. 622.

Безусловно, рассматривая конкретно-исторический материал в концептуальных рамках теории, не следует сбрасывать со счетов и такой немаловажный фактор передвижения границ и изменения контуров картографируемого материала как личные амбиции и борьба за власть между теми, кто нес ответственность за тасуемые коллекции. Амбициозность И.А. Орбели хорошо известна, его взрывной темперамент стал одной из легенд Эрмитажа. Попытки ликвидировать Отделение глиптики могли быть вызваны не только научными, но личными причинами. Сама М.И. Максимова, возглавлявшая Отделение, – крупный ученый, ученица М.И. Ростовцева – полагала, что причина произошедшего крылась в чувстве личной неприязни, которое испытывал к ней Орбели. Она считала, что использование им неопубликованных работ покойного академика Я.И. Смирнова, посвященных восточному серебру, выходило за границы академической этики и, судя по всему, этого своего мнения не скрывала¹⁷. В конце жизни она вспоминала: «Разработан был план военных действий, причем... объектом нападения стало Отделение глиптики, которым я тогда заведовала»¹⁸. Сложно складывались ее отношения и с Отделом древностей Эрмитажа, «немецкую партию» которого она укоряла в предательстве интересов русской науки и заискивании перед иностранцами¹⁹. В этой связи показательно, что инициатива Орбели была поддержана именно «немцами» О.Ф. Вальдгауером и В.В. Струве. В конечном счете, предложенная Орбели ликвидация Отделения глиптики была осуществлена в 1929 г. и его собрание оказалось разделено между отделами древности, Востока и прикладного искусства²⁰. Арсенал как единое целое сохранился вплоть до настоящего времени, хотя, как отмечалось в литературе: «Выделенный к концу 20-х – началу 30-х годов из состава Арсенала восточный материал показывался на экспозициях Отдела Востока, давая широкое представление об оружейном искусстве Ирана, Турции, Кавказа и Средней Азии»²¹.

Однако сводить все к «семейной ссоре» или столкновению психологических комплексов музейных хранителей, о которых в научной литературе иногда говорится в психоаналитических терминах²², было бы все же неверно. Подпитываемые (а иногда, возможно, и гипертрофируемые) личными амбициями, на повестку дня поставленными оказывались вопросы дисциплинарности (одного из фундаментальных принципов деления поля знания)²³ и теоретизации мира (имманентного свойства музейной организации материала)²⁴, в силу специфики развития науки на данном этапе редко проговариваемые в научных текстах, и приобретавшие особую очевидность – будучи визуализированными – именно в музее.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 224–226.

¹⁸ Там же. Л. 225.

¹⁹ Там же. Л. 148–159.

²⁰ Дмитриева Е.Н. Дактилютека – Studiensammlung эпохи классицизма (по материалам эрмитажной коллекции слепков с античных гемм). Диссертация кандидата искусствоведения. СПб., 2018. Т. 1. С. 75.

²¹ Миллер Ю.А. Арсенал // Эрмитаж. История и современность. 1764–1988. М., 1990. К сожалению, заведующий Отдела «Арсенал» Государственного Эрмитажа кандидат искусствоведения Д.В. Любин не смог найти возможности ответить на наше письмо от 13.02.2021 г. с вопросом о судьбе восточного оружия в конце 1920-х гг.

²² Deloche B. *Museologica. Contradictions et logique du musée*. Lyon, 1985.

²³ Дмитриев А. Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках // Науки о человеке: история дисциплин / Сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. М., 2015. С. 12.

²⁴ Macdonald S. *Theorizing Museums: an Introduction // Theorizing Museums: Representing Identity and Diversity in a Changing World / Ed. by S. Macdonald, G. Fyfe*. Oxford, 1996. P. 14.

Документы публикуются по машинописи, отложившейся в архивном фонде академика Бартольда Санкт-Петербургского Архива РАН, по современным правилам правописания с сохранением их стилистических особенностей. Сокращения раскрываются в квадратных скобках. Слова, подчеркнутые в тексте, выделены курсивом.

Публикацию подготовили доктор культурологии В.Г. АНАНЬЕВ и доктор исторических наук М.Д. БУХАРИН.

№ 1

Записка И.А. Орбели¹ о ненаучности структуры Эрмитажа

29 января 1927 г.^а

В Совет Государственного Эрмитажа

В обоснование высказанного мною суждения о ненаучности структуры Эрмитажа, считаю долгом представить Совету следующие соображения.

1. Всякий музей, претендующий на научность своего построения и распределения коллекций, тем более один из величайших музеев мира, в праве избрать ту или иную систему организации и структуры, при том однако же условии, чтобы эта система была научна, т. е. находилась в соответствии с данными и требованиями той или иной научной дисциплины или группы дисциплин, и чтобы самая структура была систематична и выдержана.

2. Основное и элементарнейшее требование, которому должна удовлетворять структура научно-построенного музея, совершенно независимо от того, какой дисциплине или кругу дисциплин он отдает предпочтение в своем построении, есть выдержанность системы построения и, прежде всего, системы классификации памятников.

3. Основное и элементарнейшее требование, которому должна удовлетворять всякая система классификации, – ясность и единство признака деления, с тем, конечно, что при каждом новом подразделении может и должен быть вводим новый дополнительный признак, но в основе каждого такого разделительного действия должен лежать единый признак.

4. Как нельзя одновременно делить толпу на бородатых, толстых и блондинов, что казалось бы всем должно быть ясно, также точно невозможно одновременное деление музейных коллекций на памятники Египта, Месопотамии, Греции, Рима, резные камни, памятники Средних веков, оружие, памятники Кавказа и Ирана, Византии и т. д. Такая классификация не научна, да и не выполнима, просто невозможна.

5. Пока в музее существуют Отделения, построенные по принципу объединения памятников тех или иных культурных кругов, в этом музее не могут существовать Отделения, содержащие группы памятников этих же культурных миров, но построенные по признаку объединения тех или иных категорий предметов, по их назначению (оружие) или по их материалу (резные камни).

6. С другой стороны, пока в музее, претендующем на научность структуры, существуют Отделения, построенные по признаку объединения тех или иных ка-

^а Дата и подпись И.А. Орбели вписаны от руки красным карандашом.

тегорий предметов (оружие, резные камни) «всех времен и всех народов», в нем не могут существовать Отделения, построенные по признаку принадлежности к тем или иным культурным кругам, а должны быть вместо них образованы Отделения, также объединяющие те или иные категории предметов, как то Отделение чеканного металла, формованной глины, резной кости, или же Отделение головных уборов, Отделение браслетов, Отделение ожерелий, котлов и т. д.

7. Исключение отдельных категорий предметов из окружавшей их культурной среды нецелесообразно, так как при исследовании, экспозиции и популяризации использовании необходимо должна учитываться и выявляться общность условий, природных (местность, природные богатства), этнических, социальных, экономических и всех иных, обуславливавших развитие форм и обстановки культурной жизни, причем только сопоставление всех категорий предметов, происходящих из той или иной культурной среды, способно обеспечить возможность сколько-нибудь правильных выводов, поскольку при недостаточности и неполноте картины, даваемой одними категориями предметов (особенно – в смысле принадлежности их к быту лишь одного класса, как, например, золотая, да и серебряная, утварь), только при внесении корректива на основании другой категории или других категорий, принадлежащих к обиходу и других классов, возможно выяснение условий жизни и взаимоотношений различных производительных элементов населения. Вопрос этот приобретает особенную важность там, где в силу тех или иных политических или экономических условий классовое деление так или иначе совпадает или переплетается с делением по этническим или религиозным признакам, в каковых случаях разобщение различных категорий памятников не только совершенно искажает картину, но и вполне исключает возможность сколько-нибудь правильного ее построения.

8. Образование групп памятников «всех времен и всех народов» по признаку материала или назначения предмета, может и должно носить характер показательной выставки в особом, эволюционном отделе, отражающем общую эволюцию культуры, для каковой цели не только бесполезно, но и вредно применение столь большого числа памятников, как, например, 20 000 резных камней, способных дать неизмеримо больше историку культуры, историку искусства, вообще ученому специалисту и учащемуся или даже случайному обозревателю, в обстановке той культурной среды, в которой эти памятники возникли.

9. Образование групп памятников «всех времен и всех народов» в целях выявления общей эволюции может быть целесообразно лишь при том условии, что эволюция выявляется не на одном каком-либо элементе культуры, а тем более не на одной случайной категории предметов, а всесторонне, поскольку это позволяет материал.

10. Сопоставление памятников не только «всех времен и всех народов», но даже довольно ограниченного территориально и хронологически круга, по признаку использования одного и того же материала, не способно дать, по крайней мере при наших условиях и нашем материале, хотя и чрезвычайно богатом, сколько-нибудь цельной картины, рационально используемой в целях научных или популяризационных, или хотя бы в одной из этих целей. Пример выставки резной кости, не давшей удовлетворения ни устроителям, ни, во всяком случае, посетителям и обозревателям, ясно это подтвердил.

11. В кажущемся противоречии с п. 5 находится факт сосуществования в Эрмитаже Отделений, построенных по культурным мирам с Отделом картинной галереи, долженствующим собственно, согласно утвержденным постановлениям Совета Эрмитажа, именоваться Отделом картин, скульптуры и графики. Но весь этот Отдел, согласно своей программе, накапливает, хранит и экспонирует памятники не «всех времен и всех народов», а лишь произведения западноевропейского искусства за определенный период времени, начиная с эпохи Возрождения и ни в какой мере не переплетается с Отделениями, построенными по культурным мирам, поскольку картинная галерея не претендует на включение в ее состав фаянсовых портретов, расписных египетских саркофагов или расписных греческих ваз. Необходимость же согласования Отдела картинной галереи с Отделом прикладного искусства и быта, не подлежит, мне кажется, оспариванию.

12. В противоречии с п. 5. находится, как будто, факт сосуществования в Эрмитаже Отделения греко-римских памятников, Отделения Византии, Отделения Кавказа, Ирана, Средней Азии и стран мусульманского Востока и др., с особым большим Отделом нумизматики. Противоречие это, однако, кажущееся потому, что сам-то Отдел нумизматики в целом, отнюдь не ведает безраздельно всеми видами денежного обращения «всех времен и всех народов», строго подразделяется на Отделения, образованные в точности по тому же признаку культурных кругов, и каждое из отделений Отдела нумизматики, ведя работу в помещении Отдела, объединенного общими для всех его Отделений специальными нумизматическими интересами, может быть, с другой стороны, рассматриваемо как монетная секция соответственного Отделения, построенного по признаку культурного мира. В данном случае истинное, а не мнимое, завоевание революционной перестройки Эрмитажа заключается в том, что памятники каждого данного культурного мира, правда, иногда широко понимаемого, находятся в настоящее время в ведении не нумизматов – знатоков монет «всех времен и всех народов», а специалистов, широко подходящих к своим задачам на почве углубленной проработки истории и культуры соответственного мира. Об использовании же нумизматического материала в экспозиционных целях см. ниже п. 14.

Для надлежащей организации в Эрмитаже Отдела Востока, строящего свои Отделения, существующие и намечаемые к образованию, по принципу выявления культурно-исторической картины, необходимо осуществить следующие мероприятия.

13. В Отдел Востока должны быть переданы все те восточные памятники искусства и быта, которые в настоящее время рассеяны по различным частям Эрмитажа, за исключением лишь тех категорий, о которых см. п.п. 14 и 15.

14. Восточные монеты, сосредоточенные в настоящее время в Отделении восточных монет нумизматического Отдела, могут не подлежать изъятию из нумизматического Отдела постольку, поскольку сохраняется существующая в настоящее время внутренняя структура *монетных* Отделений этого Отдела, вполне гарантирующая научную разработку восточных нумизматических коллекций в связи с современными требованиями научного востоковедения и с учетом новых достижений в области исследования исторических культур Востока. В целях, однако же, наилучшего согласования работы этого Отделения с проработкой всех других восточных памятников Эрмитажа, хранящихся и имеющих быть хранимы-

ми и изучаемыми в Отделе Востока, личный состав Отделения восточных монет, состоя в нумизматическом Отделе, должен быть в научно-организационной связи с Отделом Востока, входя в состав Совета Отдела Востока и принимая участие во всех его работах по своей специальности.

Само собой разумеется, однако же, что и впредь, как это уже имело место, в связи с теми или иными частями выставки Отдела Востока могут и должны быть организуемы небольшие показательные выставки монет соответственной страны и эпохи, необходимые, по мнению Восточного Отдела, для полноты картины и для уяснения тех или иных частей устраиваемой им выставки и, в то же время, нисколько не вредящие интересам чисто нумизматической выставки в залах Отдела нумизматики.

15. Не подлежат передаче в Восточный Отдел (в порядке инвентарного учета) найденные не в восточных странах восточные памятники, которые, принадлежа к составу тех или иных культурных комплексов, ценных в своей археологической целостности (как то, поселения, курганы или отдельные погребения), не могут быть выделены из состава этих комплексов без ущерба для археологического исследования и для построенной по археологическому принципу экспозиции. Эти памятники, по особому каждому раз соглашению Отдела Востока с соответственным Отделением Эрмитажа, могут и должны быть передаваемы в Отдел Востока для изучения, временного хранения и экспозиции, поскольку такая передача, не влияя вредно на экспозицию Отделения, отражающего археологическое лицо данной местности, может содействовать наилучшему выявлению историко-художественной или вообще историко-культурной картины той страны Востока, из которой эти памятники происходят. Точно так же находящиеся в Отделе Востока не восточные памятники, входящие в состав неделимых археологических комплексов, могут на тех же основаниях и в тех же целях быть передаваемы в другие Отделы или Отделения Эрмитажа.

16. Передача, намеченная в п. 13, естественным образом должна быть разбита на две очереди:

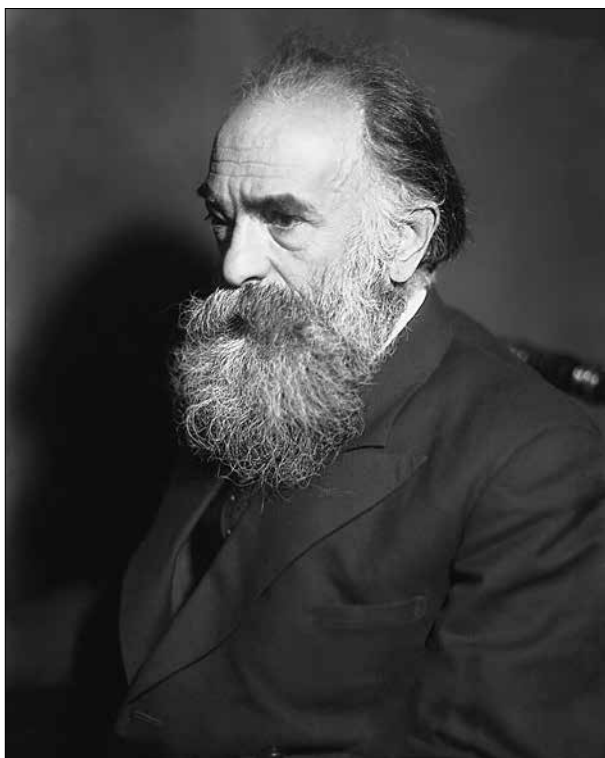
А) В первую очередь должны быть осуществлены передачи тех памятников, принадлежность которых к кругу восточных культур никем не оспаривается и которые попали в не ведающие Востоком Отделения Эрмитажа, вследствие тех или иных случайных причин или в результате тех недочетов в системе классификации и в структуре Эрмитажа, которые являются, с одной стороны, еще неустранимыми остатками прежней его структуры, с другой стороны, – результатом несколько повышенного темпа музейного строительства 1918 г. и необоснованного и слишком расширенного толкования программы некоторых Отделений Эрмитажа.

В) Ко второй очереди должна быть отнесена передача тех памятников, принадлежность которых к тому или иному культурному кругу и, в соответствии с этим принадлежность которых к составу того или иного Отделения, может быть оспариваема. В этих случаях, если соответственные Отделения не могут прийти к соглашению, должна иметь место лишь временная передача предметов в то или иное Отделение для изучения, в целях окончательного решения вопроса о принадлежности предмета к тому или иному культурному кругу.

17. Совершенно особо должна быть проведена ответственная и в некоторых случаях чрезвычайно сложная работа по разграничению культурных миров, па-

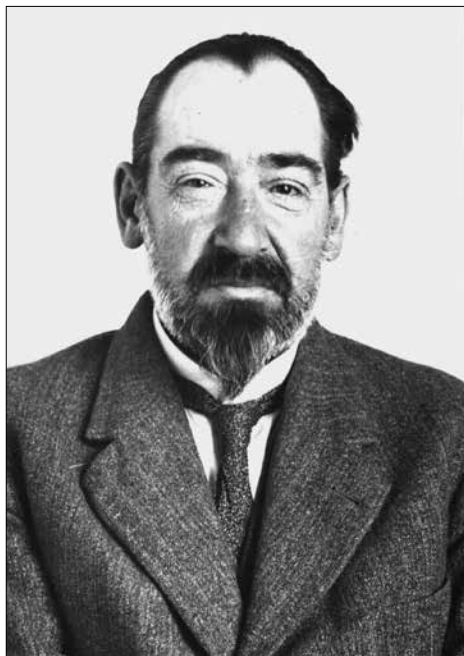
Тройницкий
Сергей Николаевич
(1882–1948),
сотрудник Эрмитажа
с 1908 г., директор
в 1918 – мае 1927 г.,
искусствовед

Орбели
Иосиф Абгарович
(1887–1961),
дирктор Эрмитажа
в 1934–1951 гг.,
член-корреспондент
(1924), академик АН СССР
(1935), академик Академии
наук Армянской ССР
и ее первый президент
(1943–1947),
востоковед

Боровка (Боровко)
Григорий Иосифович
(1894–1941),
археолог,
искусствовед

Вальдгауер Оскар Фердинандович
(1883–1935), и.о. директора Эрмитажа
в мае 1927 – феврале 1928 г.,
искусствовед, историк античного
искусства. Фото из семейного архива
А. Г. Яковкина

мятники которых сосредоточиваются в смежных Отделениях, принадлежащих к Отделу Востока или к другим Отделам Эрмитажа, – задача тем более ответственная, что научная проработка этих вопросов и не в музейном отношении еще не приняла строго очерченного вида, а именно – разграничение Отдела Востока и Отделения эллино-скифского. Выполнение этой задачи, могущей в силу существа дела, принять затяжной характер, не должно нисколько влиять, в смысле задержки, на осуществление пункта 16.

18. Аналогичная работа должна быть проведена и по выяснению и ограничению задач Отделения раннехристианских и византийских и русских древностей, причем осуществление и этой нелегкой задачи ни в какой мере не должно вызвать задержки в выполнении пункта 16.

19. В силу пункта 16-го: а) должна неуклонно продолжаться до сих пор навсегда^а безболезненно и планомерно осуществлявшаяся передача восточных предметов из Отделения прикладного искусства Нового времени; б) должна быть произведена передача из Отделения Средних Веков и Эпохи Возрождения мавританских памятников, во всяком случае тех из них, принадлежность которых к кругу памятников мусульманского мира не может быть оспариваема и которые являются типичнейшими и, в то же время, исключительно высокими произведениями восточной керамики, завершая собою, как ваза Фортуни, путь развития одной из самых замечательных отраслей художественной индустрии Востока; в) должны быть переданы в Отдел Востока все те художественные произведения Востока, которые по признаку техники или какому-либо иному могли оказаться в таких Отделениях Эрмитажа, как Отделения гравюр и рисунков или Секция миниатюр, или в библиотеке Эрмитажа – поскольку эти памятники совершенно необходимы для заполнения весьма существенных лакун Восточного Отдела, поскольку их истолкование невозможно вне связи с другими художественными и бытовыми памятниками соответственных стран и поскольку Картинная галерея и все входящие в ее состав Отделения хранят произведения лишь западноевропейского искусства, а библиотека Эрмитажа должна хранить книги, а не музейные памятники.

Наконец, вполне назрел болезненный вопрос о незамедлительных передачах в Отдел Востока из Отделения резных камней и Отделения оружия.

20. Из Отделения резных камней подлежат передаче в Отделение классического Востока все памятники классического Востока.

Удаление египетских скарабеев от всех иных памятников Египта никакими доводами не может быть оправдано и свидетельствует об игнорировании задач археологии Древнего мира и об игнорировании смысла и назначения этих маленьких изделий, малые размеры которых здесь приходится особенно подчеркнуть, так как это единственный объективный критерий, по которому хранимые по сей день в Отделении глиптики многие сотни египетских скарабеев, кроме скарабеев с реалистической трактовкой, отделены от несколько более крупных по размерам сердечных скарабеев и от всех других памятников Египта. Египетскими памятниками в общем, если взять излюбленный «мировой масштаб», Эрмитаж небогат, и скарабеи послужили бы, если их извлечь из ящичков Отделения глиптики и вер-

^а Так в оригинале. Должно быть: «не всегда».

нуть в Отделение классического Востока, весьма важным пополнением египетских коллекций.

В настоящее время далеко не богатая месопотамская коллекция Эрмитажа, выставленная в нижнем этаже, значительно возрастет в своей научной ценности и в численности после того, как Отделению классического Востока будут возвращены выхваченные из его состава замечательные ассирийские и вавилонские цилиндры и печати, столь необходимые для восполнения многих лакун в истории развития форм месопотамского искусства (и монументального), и не только в бедном этими памятниками Эрмитаже, в котором они представляют, быть может, лучшую часть собрания.

При полном отсутствии в Отделе древностей памятников других великих культур древности, как сумирская, хеттская, критская, возвращение в Отдел древностей, и специально в Отделение классического Востока, выхваченных оттуда печатей и цилиндров, хранящихся в Отделении глиптики, даст возможность хоть как-нибудь представить на выставке эти культуры, притом памятниками, входящими в непрерывную цепь развития высокой культуры древнего Востока, представленной в Эрмитаже и сериями камней финикийских, нововавилонских и пр. Такое их использование в одном из наиболее посещаемых Отделений Эрмитажа, несомненно, будет много более целесообразно, чем дальнейшее их хранение в закрытых ящичках Отделения глиптики, тем более, что музей должен не только хранить, но и изучать, опубликовывать и экспонировать свои памятники, а кто в Эрмитаже, кроме сотрудников Отделения классического Востока и отдельных посторонних ученых, изучал, изучает или может изучать научно эти памятники, к тому же в значительной части снабженные надписями, иногда представляющими их наибольшую ценность и, тем не менее, недоступными для тех, кто занимается глиптикой «всех времен и всех народов»; универсализм не только в науке, но и в музейном деле уже давно отжил свой век.

Немногочисленные эламские и ванские камни, будучи возвращены по принадлежности в Отдел Востока, дадут возможность пополнить небогатую, по мелочам собираемую из различных учреждений коллекцию памятников тех культур, которые, будучи тесно связаны с нашим яфетическим Кавказом, должны были бы быть особенно полно представленными в Эрмитаже; они неотделимы от всех иных памятников этих культур.

Отделение резных камней из всех богатейших восточных своих собраний пока использовало на выставке лишь два десятка древнеперсидских камней, потерявшихся в одной из пирамидок в зале греческих терракот. Нужно ли говорить, как мало эти камни могут дать в этом окружении всякому, ученому и неученому, кто бы пожелал получить представление о древнеперсидском искусстве, да и могут ли они дать что-либо, будучи разобщены со всем тем немногочисленным, но тем не менее «в мировом масштабе» весьма большим собранием ахеменидских памятников из золота, серебра и бронзы, которые находятся в Отделе Востока и в смежном, с ним согласованном, Отделении эллино-скифском; нужно ли говорить, как повысится научная ценность и облегчится понимание этих камней, когда они будут экспонированы в окружении памятников того народа, который их создал или же в обстановке памятников той среды, в которой некоторые из них культурно бытовали: ведь среди них замечательный ахеменидский цилиндр из кургана

около Анапы, кто об этом его значении догадывается и учет ценность этого факта, видя эту пирамидку с камнями.

Отдел Востока, одну из наиболее ценных в научном отношении частей которого составляет его собрание памятников домусульманского Ирана, не может строиться, выключая из своего состава бактрийские, парфянские и сасанидские камни, совершенно неразрывно связанные и с монументальным искусством Ирана, и с бактрийской, парфянской и сасанидской торевтикой, керамикой и коропластикой и с сасанидскими тканями. Всестороннее научное исследование и экспозиция бактрийских, парфянских и сасанидских резных камней вне освещения, даваемого всеми остальными памятниками Ирана и домусульманской Средней Азии, невозможно, как невозможно и исследование и экспозиция всех этих памятников без последовательного их сопоставления с резными камнями, в большей мере чем драгоценные блюда и чаши связанными с повседневным бытом, поскольку среди них мы имеем образцы изделий бывших в пользовании всех слоев населения Ирана и прилежащих стран, тогда как в торевтике, за единичными исключениями, представлен лишь быт знати; лакуны в этом отношении восполняются лишь резными камнями и терракотами, в подавляющем большинстве – памятниками подлинно народного искусства; главная ценность сасанидских резных камней Эрмитажа заключается отнюдь не в том только, что они дают возможность «восхищенно любоваться несколькими прекрасными портретами сасанидских царей», хотя эти портреты действительно прекрасны.

Путем этой передачи в Отделение Кавказа, Ирана и Средней Азии будут возвращены десятки камней, выхваченных из археологического комплекса погребений Северного Кавказа (Камунта, Кумбулта и пр.), разобшение которых ничем не может быть оправдано.

21. Единство и цельность Отделения резных камней «всех времен и всех народов» есть фикция, несмотря на то, что в ящичках Отделения действительно хранятся 20000 камней, если и «не всех времен и не всех народов», то во всяком случае всех тех народов, которые сумели обратить на себя внимание этого Отделения; фикция потому, что все эти тысячи камней ни в исследовательском, ни в экспозиционном отношении ничем не объединены, якобы проводящаяся линия проследования эволюции камнерезного искусства и его техники нигде не выявляется, а как уже было указано, значительные и весьма ценные восточные собрания просто находятся вне круга работ Отделения. Изучаются и экспонируются лишь материалы, происходящие из тех культурных миров, к исследованию которых, и вне рамок глиптики, основательно готовил себя личный состав Отделения – глиптика античная и Возрождения, за которой тянется непосредственно ее продолжающая новая западная и русская глиптика. Весь восточный материал, для исследования которого совершенно в той же мере, как при изучении античной или западной глиптики (отнюдь не в меньшей мере) нужно знание культурной среды, знакомство со всеми иными памятниками, литературой, религией, фольклором, языком не изучаются и не могут изучаться, поскольку для их исследования требуются специальные знания и поскольку тип музейщика-универсалиста отжил свой век; при таких условиях хранение всех этих тысяч камней вместе есть, в сущности, возврат к первоначальной стадии развития музейного дела, к коллекционерству.

22. Отделение резных камней не имеет и не стремится иметь свою экспозиционную площадь, ибо в тех областях глиптики, в которых руководящий состав Отделения выступает во всеоружии научной подготовки, он и сам ясно сознает, что разделение резных камней и всех иных памятников, например, античного мира, было бы нелепо и вредно, – и Отделение глиптики со своей выставкой въезжает в помещение Отделения греческих и римских древностей.

23. Нынешнее Отделение резных камней есть, в сущности, Отделение резных камней античных, эпохи Возрождения и Нового времени. Если после изъятия из него и передачи в соответственные Отделения по принадлежности восточных камней, оно будет сохранено под таким наименованием, я не имею ничего возразить против этого, поскольку я при существующем в Эрмитаже строе не несу ответственности за правильность структуры Эрмитажа в целом и поскольку этот вопрос не касается Отдела Востока, но полагаю, что было бы много целесообразнее распределить и этот материал по соответственным Отделениям, если в том встречается надобность, даже поручив каждую из соответственных частей отдельному хранителю, что восполнило бы лакуны и весьма существенные и болезненные пробелы в этих Отделениях и обеспечило бы лучшие условия для проработки и экспозиции камней античных, Возрождения и Нового времени, а камни русских мастеров, вероятно, нашли бы подходящее для них место там, где сосредоточены памятник русского искусства.

24. Сохранение Отделения резных камней в составе Отдела нумизматики едва ли целесообразно, поскольку это Отделение, единственное в Эрмитаже, построенное по чисто искусствоведному (правда, неправильно примененному и развитому) признаку и накапливающее мелкие художественные изделия из камней, оказалось включенным в состав единственного Отдела Эрмитажа, построенного по признаку, весьма далекому от искусствоведения, ведающего знаками и средствами денежного обращения, независимо от их материала и художественной ценности.

25. Неоднократно высказывавшееся соображение, направленное к отклонению моего предложения о выделении восточных камней из Отделения резных камней и заключающееся в указании на нераздельную связь резных камней и памятников нумизматики, в данном случае, несостоятельно, так как связь эта, резных камней, с одной стороны, и монет с другой, нигде в Эрмитаже не выявлена, ни одному посетителю зала монет не придет в голову, и не может прийти, что он должен пройти в лоджии смотреть резные камни или с той же целью пойти в Отдел древностей и посмотреть стоящие там в зале терракот столы с резными камнями, – ни с другой стороны, тот, кто смотрит резные камни в Отделе древностей или лоджиях не заподозрит, что ключ к пониманию этих резных камней якобы находится в зале монет, да не может заподозрить, потому что ни группировка, ни система экспозиции резных камней в первом и втором этаже Эрмитажа, естественно, не стоит ни в какой связи с строго выдержанной чисто нумизматической системой экспозиции монет. Подчеркиваемая же связь нумизматики с глиптикой есть связь и нумизматики, и глиптики с той культурной средой, в которой резались эти камни, лились и чеканились монеты и медали.

Ссылка на необходимость неразрывной связи Отдела нумизматики с резными камнями «всех времен и всех народов», само собою разумеется производит

особенно странное впечатление, когда речь идет о древнем Востоке, как известно, монет нам не оставившем.

26. Из Отделения оружия в Отдел Востока должны быть переданы все точные коллекции, поскольку эти предметы, составляя лишь одну из сторон культуры Востока, возникли, создавались и бытовали не вне жизни, а наоборот, в тесном окружении всех других памятников Востока, поскольку их правильное восприятие, экспозиция и научное освещение и популяризационное истолкование вне историко-культурной востоковедной перспективы невозможно, и поскольку невозможны экспозиция, научное освещение и популяризационное истолкование всех иных памятников Востока, при исключении из их среды всех тех разнородных и обширных собраний, которые входят в состав Отделения оружия, особенно же принимая во внимание то положение, которое занимало, да и занимает, оружие в быту, в повседневной жизни многих народов Востока, совершенно независимо от его специального назначения и применения.

Включение восточного вооружения и отнесенных к нему, но не связанных с ним неразрывно, предметов одеяния и личного обихода, в состав восточного Отдела совершенно необходимо еще и потому, что в силу общей всему человечеству склонности «всех времен и всех народов» все наивысшие достижения техники прежде всего применять в военном деле, в восточном вооружении и снаряжении мы зачастую встречаем наивысшие образцы техники выделки и обработки металла и других материалов, и среди них же мы зачастую встречаем наивысшие образцы художественной обработки и отделки, которые, в сопоставлении с многочисленными рядовыми предметами вооружения различных степеней технического и художественного совершенства, в состоянии дать действительно яркую картину культурного уровня и художественных устремлений и состояния техники создавшей их среды, совершенно независимо от того, что эти вещи служили оружием.

27. Независимо от того, что восточное оружие необходимо Отделу Востока, сохранение этих памятников в составе Отделения оружия нецелесообразно, так как: а) многие из этих предметов не являются в собственном смысле слова предметами вооружения, а частями одеяния и предметами личного обихода; б) сохранение восточных коллекций в Отделении оружия, как видно из случая, послужившего поводом к возобновлению настоящего вопроса, не гарантирует в должной мере учета в этом Отделении значения памятников, с не входящих в компетенцию Отделения точек зрения; в) нахождение восточных памятников в Отделении оружия не оправдывается требованиями целесообразности в интересах всего этого Отделения, поскольку картина эволюции форм и типов вооружения, ради которой якобы восточное оружие не должно быть отделяемо от западного, ни в какой мере Отделением оружия не выявляется.

Впрочем, задача показания эволюции оружия, как такового, и не должна ставиться этим Отделением. Поскольку оно входит в состав Отдела прикладного искусства и быта, — постольку неоднократно было постановлено выделить из его состава предметы, имеющие чисто оружейное, боевое значение. Отделение должно заниматься предметами вооружения, трактуя их лишь как произведения прикладного искусства и памятники быта, а, следовательно, при выделении из Отдела прикладного искусства Отделения мусульманского искусства (еще до моего избрания в состав Эрмитажа) восточное оружие тоже должно было быть выделено, а если этого не сделали тогда, это надлежит сделать сейчас.

Для целей же показания общей эволюции типов вооружения может быть выделен лишь показательный подбор, при том условии, что Отделение оружия этой показательной выставкой действительно отразит общую эволюцию вооружения и, разумеется, при условии, что общая эволюция будет показана в Эрмитаже и на всех иных элементах и сторонах культуры.

28. Вообще положение Отделения оружия в Эрмитаже способно вызвать, и независимо от вопроса о восточном оружии, ряд недоумений. Нецелесообразно разделение различных западных предметов вооружения, среди которых к тому же есть немало таких, которые не могут быть подведены под понятие оружия (хотя бы орудия пыток), от иных памятников тех же эпох и тех же стран, сосредоточенных в Отделении Средних веков и эпохи Возрождения.

Тут мы сталкиваемся уже с вопросом, выходящим из рамок Отделения оружия, так как вообще остается неясным, по каким признакам построен весь Отдел прикладного искусства и быта в ряду других отделов Эрмитажа.

Я обращал внимание Совета в заседании от 21 января с.г. на то обстоятельство, что я бы не хотел выходить из узких рамок поставленного мною не в первый раз вопроса о насущных потребностях восточного Отдела и его трудном положении в разобщении с весьма ценными и обширными собраниями, подлежащими его ведению.

Совет пожелал получить от меня в письменной форме не только обоснования требований и пожеланий Отдела Востока, но и мотивировку неожиданного, по-видимому, для некоторых членов Совета, высказанного мною положения, что структура Эрмитажа не систематична и не научна. Полагаю, что надобности в письменной мотивировке не было, поскольку всем членам Совета, несомненно, не меньше, чем мне должны быть ясны все те дефекты, и структурные, и функциональные, которые мешают Эрмитажу быть научно организованным музеем.

В настоящей записке я старался не выходить из самых тесных рамок вопроса.

Ввиду того, что вопрос о передаче в Отдел Востока рассеянных по другим частям Эрмитажа восточных памятников возбуждался очень давно, задолго до образования Отдела Востока, когда речь могла идти о передаче соответствующих памятников в те Отделения Эрмитажа, которые посвящены Востоку и еще не были тогда объединены в особом Отделе; в виду того, что вопрос этот, задержка в разрешении которого тормозит научную организацию Отдела и затрудняет нормальный ход его работы, не дает возможности к надлежащей организации выставки (в настоящее время чрезвычайно далекой от тех возможностей, которыми располагает Эрмитаж, и тех требований, которые хорошо сознаются Отделом Востока), вполне назрел и, наконец, ввиду того, что задержка восточных памятников в не склонных к всестороннему учету их научного значения частях Эрмитажа в дальнейшем может грозить повторением случаев, аналогичных давшему повод к моему ходатайству о срочной постановке на обсуждение настоящего вопроса, – я считаю своим долгом, в интересах дела, просить о срочном рассмотрении пожеланий Отдела Востока независимо от того, какое направление Совет пожелает дать вопросу о недочетах научной структуры Эрмитажа.

И. Орбели

№ 2

Ответ помощник хранителя [Отделения гравюр и рисунков]

Е.Г. Лисенкова²

В связи с запиской И.А. Орбели (п. 23), ставящей вопрос о передаче в Русский Музей находящихся в Эрмитаже русских резных камней, в той же логической последовательности может возникнуть вопрос об русских гравюрах.

Отделение гравюр при разрешении этих вопросов просит принять на вид нижеследующее:

Гравюрный материал – материал не уникальный и поэтому он может одновременно составлять достояние нескольких музеев.

В различных музеях значение тех же гравюр, в связи с другими частями собрания, может быть различно.

Что касается Эрмитажа, то казалось бы для него нет оснований отказываться от произведений гравюров, часть деятельности которых протекала в России, только по этой причине – причине их работы в нашей стране. Но именно иностранные гравюры создавали школы русских мастеров. Таким образом, отжени^а русских гравюр XVIII и начала XIX в. от их иностранных образцов было бы насильственным разъединением работ одних и тех же школ. Для изучающего графику упомянутого периода, при таком разъединении, сильно бы пострадала возможность нахождения нужных аналогий путем сличения однородных памятников.

Примерами, иллюстрирующими изложенные положения, могло бы служить творчество Шмидта³ и Чемесова⁴, Клаубера⁵ и Галактионова⁶, английский период в творчестве Скородумова⁷ и проч., и проч.

Преобладающая часть русских гравюр и литографий в Эрмитаже – портреты. Собрание их сконструировано по содержанию эстампов, т. е. по изображенным лицам, в алфавите фамилий этих лиц, независимо от того исполнены ли работы русскими или иностранными мастерами.

Иконографическое значение этого собрания, важность его для всех Отделений Эрмитажа, казалось бы, не требует особых доказательств. Наоборот, казалось бы, довольно трудно доказать, почему следует отдавать из Эрмитажа гравюры с портретов, например, Лампи⁸ или Эриксона⁹, оставляя в нем оригиналы.

Самое понятие «Rossica» изменчиво: подойдут ли под него, например, сейчас произведения Кюгельгена¹⁰ или Шевченко?¹¹

Во всяком случае возбужден вопрос о «Rossica», следовало бы его возбуждать равно для всех Отделений Эрмитажа (от монет и фарфора, до скифских древностей).

В отношении же Отделения гравюр можно ведь наряду с вопросом о «Rossica» поднять далее совершенно также вопросы о передаче эстампов с военными костюмами – в Военно-исторический музей, гравюр, касающихся революционных времен – в Музей революции, листов с видами – в Музей города, театральных композиций – в Театральный музей и т. д., и т. д.

^а Так в оригинале. Вероятно, имеется в виду: «от<ло>жение».

Отделение гравюр не может стать на путь сюиты этих вопросов и считает их чрезвычайно опасными с точки зрения распыления Эрмитажа.

Е. Лисенков

Верно: Делопроизводитель Эрмитажа

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 440. Л. 8–8об. Машинопись.

№ 3

Ответ заведующего Картинной галереей Э.К. Липгарта¹²

Арсенал должен остаться единым и неделимым.

Наука о художественном оружии составляет совершенно особую сферу и требует очень специального изучения памятников, которому данный ученый должен посвятить всю свою жизнь, так как дело тут идет не только об установлении художественного стиля предметов, определяющего характер эпохи, но и о том, чтобы узнать и понимать технику мастера, которою он пользовался при изготовлении наступательного и оборонительного оружия.

Мне кажется, что Отделение оружия представляет собою совершенно своеобразную часть музея и должно находиться в заведовании ученого историка искусства, который являлся бы в то же время знатоком слесарного и кузнечного дела.

Влияние восточных оружейников на западных очень определенно и постоянно сказывалось в истории. Приведем хоть один лишь пример: дамаскировка оружия, пришедшая с востока.

Установление этого важнейшего факта сделалось бы очень затруднительным при чисто географическом выделении из Арсенала восточного оружия.

Поэтому во всех странах Европы музеи оружия помещаются в отдельных дворцах: Armeria в Мадриде, Armeria в Турине, Арсенал в Вене, Zeughaus в Берлине, в Англии в Woolwich'e, Musée d'Artillerie в Париже, тоже в Швеции и т. д.

Точно также всем известно значение японской гравюры на дереве, послужившей образцом для творчества новых ксилографов.

Наоборот, скарабеи должны быть возвращены Египту, существенную часть искусства которого они составляют: скарабеи как бы эмблема Египта.

Липгарт

Верно: Делопроизводитель Эрмитажа^а

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 440. Л. 9. Машинопись.

№ 4

Ответ хранителя скифской секции Отделения эллино-скифских древностей Г.И. Боровки¹³

10 марта 1927 г.

В Комиссию по выработке структуры Гос[ударственного] Эрмитажа

^а Подпись неразборчива.

По поводу записки И.А. Орбели о структуре Гос[ударственного] Эрмитажа имею сообщить следующее: непосредственно отношение к вверенному мне отделению имеют §§ 15 и 17 этой записки.

В § 15 поясняется понятие «культурных комплексов, ценных в своей археологической цельности» примерами: поселения, курганы или отдельные погребения. Во избежание недоразумений считаю необходимым уточнить, что понятие это не исчерпывается приведенными примерами. Оно должно быть распространено на представляемую в данном отделении музея культуру в целом, если только задачей этого Отделения является всестороннее выявление данной культуры, а не одной из сторон ее. В пояснение приведу пример предметов восточных культур, в частности ахеменидской, найденных на территории Скифии. Импорт ахеменидских предметов в Скифию является характерной чертой скифской культуры. Поэтому я считаю необходимым, чтобы предметы ахеменидских или других культур, с которыми Скифия находилась в отношениях, найденные на территории Скифии, даже если они не принадлежат к комплексным находкам в городах, курганах, могилах, и при том, конечно, условии, что не был налицо факт занесения этих предметов на территорию Скифии вне существования Скифской культуры (т. е. до или после нее), оставались бы в ведении Отделения, представляющего скифскую культуру, наравне с предметами входящими в комплексную находку.

Разумеется, что в каждом таком случае, когда на одних и тех же предметах сталкиваются интересы двух отделений, они могут и должны встать на путь соглашения в целях наиболее рационального использования памятников и в целях удовлетворения как чисто научных, так и музейных интересов обоих отделений.

В § 17 говорится о разграничении между Отделом Востока и Отделением эллино-скифским.

Совершенно согласен с тем, что это особая задача, разрешение которой потребует специального обсуждения, не могущего повлиять на выработку структуры Отдела Востока как такового.

При таком обсуждении неизбежно встанет вопрос не только о взаимоотношении этих двух частей Эрмитажа, но и вопрос о том, какое вообще место в собраниях Эрмитажа должно занимать т. н. эллино-скифское Отделение и даже вопрос о самой программе и структуре этой единицы собрания. Эти вопросы неизбежно должны будут быть поставлены в недалеком будущем, так как они вполне назрели. Сейчас ограничусь только замечанием, что настоящее положение в Эрмитаже считаю определенно неудовлетворительным и не только с точки зрения разграничения между Отделом Востока и т. н. эллино-скифским Отделением, но не в меньшей мере и во всех остальных отношениях.

Должен, однако, еще присовокупить, что для разрешения всех вопросов, связанных с существованием в Эрмитаже так или иначе организованного и во всяком случае теснейшим образом органически связанного с другими его коллекциями собрания памятников культуры Скифии имеет огромное значение стройность, выдержанность и целостность общей структуры Эрмитажа в целом. Поэтому не могу не высказаться за то, чтобы в основу общей структуры Эрмитажа был бы положен принцип деления собраний по культурным мирам, так как единственно этот принцип дает возможность: 1) провести ясное деление всех собраний Эрмитажа внутри его, 2) выработать общую стройную и вполне обоснованную структу-

ру и программу Эрмитажа, как единого во всех частях организма, обеспеченного от нападков и претензий на отдельные части его собраний извне и имеющий право на дальнейший органический и свободный рост во всех направлениях, и наконец 3) сохраняет за каждой отдельной, крупной или мелкой единицей собрания необходимую свободу при разработке и выявлении на экспозиции своего материала в соответствии с тем, как это в каждом отдельном случае требуется особенностями этого материала. Все это только может послужить на пользу делу уяснения коллекций Эрмитажа посетителям как в отношении каждой отдельной части собрания, так и всего музея в целом.

В заключение позволю себе указать на то, что преобразование общей структуры Эрмитажа по принципу деления на культурные миры в сущности сводится только к вопросу о целесообразности или нецелесообразности сохранения Отделений глиптики и оружия в том виде, в каком они существуют в настоящее время, по крайней мере, постольку поскольку сейчас, по-видимому, целесообразность особого Отдела нумизматики, внутри которого проводится то же самое деление по культурным мирам, оправдывается особым характером его собраний и их разработки и в этом отношении не вызывает сомнений и поскольку в других Отделениях Эрмитажа фактически уже проводится деление по культурным мирам. В остальном требовалось бы только подыскать для Отдела древностей другое название, которое соответствовало бы объединению в этом Отделе памятников культур древнего мира и в той или иной форме дать выражение тому, что Отдел картинной галереи вместе с Отделением гравюр и рисунков и Отделом прикладного искусства объединены единством задачи выявления различных сторон культуры западноевропейской, к которой принадлежат памятники, собираемые этими отделами.

Углубленная проработка конструкции и программы каждой части собраний Эрмитажа, необходимая в дальнейшем, представляет собою несомненно сложную и трудную задачу, но, думается, что она может быть облегчена сознанием того, что Эрмитаж уже вырос в музей вещественных памятников мировой культуры, т. е. всех тех культур, которые в силу исторического развития принимали или принимают определяющее участие в создании современной картины мировой культуры, за исключением, конечно, русской культуры, которая, естественно, уже по богатству имеющегося материала, выявляется и объединяется в особом музее.

Г. Боровка

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 440. Л. 10–11. Машинопись.

№ 5

Ответ заведующего Отделом древностей О.Ф. Вальдгауера¹⁴

15 марта 1927 г.

По поводу записки И.А. Орбели имею заявить следующее:

Конструкция Эрмитажа не может считаться логичной, она основана на смешении принципов деления и противоречит принципу культурно-исторического построения, единственно возможного в интересах научного освещения и просветительного использования.

Из указанного принципа вытекает, что Отделение глиптики и Арсенал не соответствуют основной схеме конструкции музея.

Выделение групп памятников из их культурно-исторической среды по признаку материала или техники недопустимо.

В частности, следовательно, египетские скарабеи, вавилонские цилиндры должны находиться в Отделении классического Востока, сасанидские камни не могут быть отделены от остального сасанидского материала, восточное оружие связано с другими памятниками того же культурного круга и т. д.

Нумизматический материал не должен составлять исключения из указанного принципа расположения материала.

Вальдгауер

Верно^а

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 440. Л. 12. Машинопись.

(Окончание следует)

Примечания

¹ *Орбели Иосиф Абгарович* (1887–1961) – член-корреспондент (с 1924 г.), с 1935 г. – академик Академии наук СССР, заведующий Отделом Востока Эрмитажа.

² *Лисенков Евгений Григорьевич* (1885–1954) – российский советский искусствовед, в Эрмитаже с 1917 по 1954 г., заведующий Отделением гравюр.

³ *Шмидт Георг Фридрих* (1712–1775) – немецкий гравер, в России с 1757 по 1762 г.

⁴ *Чемесов Евграф Петрович* (1737–1765) – русский художник-портретист, гравер, ученик Г.Ф. Шмидта по Академии художеств.

⁵ *Клаубер Игнац Себастьян* (1753–1817) – немецкий гравер, в России с 1796 г.

⁶ *Галактионов Степан Филиппович* (1779–1854) – русский гравер, ученик И.С. Клаубера по Академии художеств.

⁷ *Скородумов Гавриил Иванович* (1755–1792) – русский художник, гравер, в Англии с 1773 по 1782 г.

⁸ *Ламти-старший Иоганн Баптист* (1751–1830) – австрийский художник, в России с 1792 по 1797 г.

⁹ *Эриксен Виргилиус* (1722–1782) – датский художник, в России с 1757 по 1772 г.

¹⁰ *Кюгельген Иоганн Карл Фердинанд фон* (1772–1832) – немецкий, российский художник, в России с 1798 г.

¹¹ *Шевченко Тарас Григорьевич* (1814–1861) – украинский культурный деятель, поэт, художник, учился в Академии художеств с 1838 по 1845 г.

¹² *Лингарт Эрнест Карлович* (1847–1932) – французский, российский художник, искусствовед, в Эрмитаже с 1906 по 1929 г., в 1909–1919 гг. заведующий Картинной галереей.

¹³ *Боровка Григорий Иосифович* (1894–1941) – советский историк, археолог, специалист в области античного и скифского искусства, в Эрмитаже с 1918 по 1930 г., хранитель скифской секции Отделения эллино-скифских древностей, затем всего отделения. Репрессирован, расстрелян.

¹⁴ *Вальдгауер Оскар Фердинандович* (1883–1935) – российский советский историк, специалист в области античного искусства, в Эрмитаже с 1904 по 1935 г., заведующий Отделом древностей.

^а Подпись неразборчива.